

**Ф. И. Рожанский** | Москва—Тарту  
**ФОНОЛОГИЯ И ГРАММАТИКА  
ВОДСКОГО ЯЗЫКА  
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ  
ОПИСАТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ:  
В ПОРЯДКЕ ДИСКУССИИ  
С М. З. МУСЛИМОВЫМ\***

Настоящая статья продолжает дискуссию, открытую публикацией М. З. Муслимова "Заметки на полях книги Е. Б. Маркус и Ф. И. Рожанского «Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк: монография в 2-х т.»" [Муслимов (настоящий сборник)], где представлен исключительно подробный разбор двухтомной грамматики водского языка [Маркус, Рожанский, 2011а; 2011б]. Причиной для написания настоящей статьи стало отнюдь не желание возразить М. З. Муслимову (в действительности, с большинством высказанных им замечаний нельзя не согласиться), а тот факт, что в своей статье он затронул целый ряд интереснейших концептуальных проблем, с которыми приходится сталкиваться любому грамматисту и особенно исследователю, работающему с бесписьменными языками. Я остановлюсь лишь на нескольких избранных вопросах, которые показались мне наиболее важными как для интерпретации водского материала, так и для осмысления взаимоотношений между языком и лингвистом. Таких вопросов пять:

- проблема нормализации;
- проблема множественности фонологий;
- водский терминатив и проблема развития падежей;
- аккузатив в прибалтийско-финских языках;
- слова типа *pere* 'семья' и их место в системе водских парадигматических классов.

Соответственно, данная статья состоит из пяти разделов, каждый из которых посвящен одному из перечисленных вопросов.

---

\* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 12-04-00168а и фонда Eesti Teadusagentuur, проект IUT2-37.

## 1. Проблема нормализации

Уже в самом начале своей статьи М. З. Муслимов затрагивает проблему нормализации, то есть выбора одного из вариантов (в данном случае – падежной формы) в качестве базового (стандартного, нормативного и т. п.). В научной литературе неоднократно обсуждался вопрос о нормировании литературных языков или их вариантов (см., например, [Crowley, 2003; Deumert, 2004; Locher, Strässler, 2008]), а понятие нормы расширялось до рамок философской проблемы (см., например, [Itkonen, 2008; Turner, 2011]). При этом практически не было исследований, касающихся нормализации как естественного и неизбежного процесса обработки языкового материала при составлении грамматик, словарей и прочих продуктов деятельности лингвиста. Этот аспект нормализации заслуживает особенно пристального внимания.

Хотелось бы сразу заметить, что относительно нормализации существует один стереотип, с которым мне неоднократно приходилось сталкиваться в процессе обсуждения языкового материала с коллегами лингвистами. Это представление о том, что нормализация линейна (то есть сродни пирогу, который может быть недопечен или перепечен) и ее крайней точкой является ненормализованное представление языкового материала «как он есть на самом деле». В действительности же ненормализованным материалом можно считать (и то с определенными оговорками) только саму аудио- (или лучше, видео-) запись речи. Представление же материала в виде грамматики (образцов речи, словаря и т. д.) всегда является результатом нормализации, которая может быть осознанной и последовательной, а может быть интуитивной и хаотичной. Так, нормализация начинается уже при выборе транскрипционной записи, где исследователь вынужден признавать некоторые фонетические различия несущественными и использовать очень ограниченный набор транскрипционных знаков, нивелирующий бесконечное разнообразие звучащей речи. При отсутствии последовательной фонологической транскрипции исследователь вынужденно скатывается на индивидуальный стандарт, как правило, не отличающийся систематичностью. В результате, вместо желаемой системы «записываю, как оно есть на самом деле» работает принцип «пишу, как хочу» (подчеркнем, что эта мысль звучит и в статье М. З. Муслимова). Небольшая, но наглядная иллюстрация

действия этого принципа представлена в работе [Markus, Rozhanskiy, 2013], где на примере водских фольклорных текстов показано, насколько субъективной бывает запись языкового материала, даже если ее производили самые лучшие исследователи.

Использование же нормализации в грамматике является не попыткой исследователя навязать языку жесткие рамки и подстроить его под шаблон школьного учебника, а наоборот признанием бесконечного многообразия языковых фактов. Систематизация языкового материала становится основной задачей автора грамматики или словаря.

В современной лингвистической литературе четко различаются два вида лингвистической деятельности: документация и описание. Документация направлена на сбор языкового материала с обработкой на экстралингвистическом уровне (снабжение метаданными, систематизация записей и пр.) и, соответственно, с сохранением всех первичных данных. Описание же всегда предполагает обработку, сортировку, нормализацию языкового материала, то есть требует принятия решений о том, какие языковые феномены считаются релевантными (и, соответственно, не теряются при обработке), а какие признаются нерелевантными и «удаляются» [Himmelmann, 1998]. Использование первичного, ненормализованного языкового материала уместно далеко не всегда. Представим себе ситуацию, что на лингвистической конференции иностранный коллега делает доклад об использовании инфинитивных оборотов в русском языке и приводит в качестве примера предложение **Я сейчас запещду заьбравт димск!** После первой минуты недоумения присутствующая в зале публика покрутит пальцем у виска или от души посмеется над безграмотностью коллеги. Тем не менее, приведенное предложение является результатом речевой деятельности (в данном случае – в письменном регистре) носителя русского языка (см. [БОР, 2013]). Является ли оно языковым фактом? Несомненно, является. Уместна ли фиксация этого факта в принципе? Да, уместна. Например, никто бы не удивился, если бы этот пример был использован в докладе на тему особенностей русской орфографии в интернете. Но из этого вовсе не следует, что данное предложение ничем не отличается от других предложений русского языка и его следует использовать для иллюстрации каких-либо лингвистических феноменов, не связанных с проблемой орфографии.

При полевой работе с бесписьменными языками (особенно, с теми, которые приходится квалифицировать как почти вымершие) ценность представляет любой языковой факт. Но это не значит, что носителю языка нужно отказывать в праве на оговорку и что можно включать в грамматику любое его речевое произведение со статусом «полноправное предложение языка X». Типичность или маргинальность какого-либо высказывания – это тоже языковой факт, который должен быть сохранен исследователем.

При этом понятно, что нормализация, как правило, ведет к потере информации. Иногда эта информация может представлять значительную ценность. Так, например, десятки и сотни опубликованных ранее водских текстов не позволят исследователю изучать интонацию повествовательного предложения (в транскрипции не предусмотрены соответствующие знаки). Судя по всему, дискурсивные частицы (презрительно называемые в народе «мусорными словами») тоже часто исключались из образцов речи.

Таким образом, существенным является не сам факт нормализации. Принципиально, какие данные при нормализации сохраняются, а какие теряются.

Нормализация в [Маркус, Рожанский, 2011a], на которую обращает внимание М. З. Муслимов, не предполагает потери существенной информации. Так, признание формы *sikoj* ‘свинья:part’ как оговорки в речи носителя кракольского говора и нормализация этой формы до *sikojt* производится только на одном из уровней представления материала (а именно, в стандартизированной записи). Тот факт, что носитель языка произнес эту форму именно как *sikoj*, сохраняется и в строке нестандартизованной (фонетической) записи, и на прилагаемой к грамматике аудиозаписи. Причиной для квалификации этой формы как ошибочной стал опрос этого же носителя языка, который не признавал эту форму как правильную и впоследствии никогда не использовал ее при переводе на водский язык предложений, которые требовали употребления партитива множественного числа от слова *sika* ‘свинья’. Ответ же на вопрос, случайным ли оказалось совпадение этой формы с регулярной формой партитива множественного числа в соседнем (песоцко-лужицком) говоре, или же это было обусловлено какой-то неизвестной нам закономерностью, вряд ли теперь может быть получен.

В целом, «диалектная стандартизация» является одним из наиболее нетривиальных типов нормализации. Для нее нельзя предло-

жить «идеальный вариант». Стандарт литературного языка «убивает» диалектные различия, стандарт диалекта нивелирует различия говоров, стандарт говора теряет идиолектные черты. А описание каждого идиолекта в отдельности, как правило, является непосильной (и обычно малоосмысленной) задачей. Искусство исследователя состоит в том, чтобы определить объект описания (язык, диалект, говор) и непротиворечиво провести нормализацию, выявляя наиболее характерные черты описываемого идиома. Заметим, что ситуация вымирающего языка (каковым, в частности, является водский) делает задачу более трудной. Каждый говор (а порой и диалект) может быть представлен таким ничтожным числом носителей, что иногда разграничить черты, свойственные говору, и черты, свойственные идиолекту, становится просто невозможно. Поэтому постулируя описание «говора», исследователь должен признавать его условность. Приписывание некоторого феномена тому или иному говору ни в коей мере не означает введение каких-либо запретов, а лишь выявляет языковые особенности, характерные для данной разновидности языка. А что именно может встретиться в речи конкретного носителя языка – это уже вопрос другого плана. Отсутствие же какого-либо нормирования идиомов при описании языка (особенно в ситуации языкового континуума) может приводить к непредсказуемым результатам. Все современные носители водского языка в той или иной степени владеют ижорским языком и появление ижорских элементов в их речи является обычным делом. Но из этого не следует, что эти элементы безоговорочно должны признаваться полноправными составляющими водского языка. Например, в работе [Агранат, 1998] форма ижорского генитива (*mān* ‘земля:gen’) рассматривается в числе водских падежных форм, что приводит к постулированию развития особой формы аккузатива в современном водском языке. С нашей точки зрения, такой подход представляется неоправданным.

Таким образом, диалектная нормализация является естественной составляющей грамматического описания, но, как верно замечает М. З. Муслимов, она подразумевает не жесткую норму, а тенденцию к распределению конкурирующих вариантов по говорам.

В заключение разговора про нормализацию хочется обратить внимание на случай с распределением краткой и полной форм иллатива. В [Маркус, Рожанский, 2011б] полная форма иллатива с показателем *-se/-se* считается характерной для имен кракольского говора (исключение составляют формы числительных и некоторых место-

имений), в то время как для песоцко-лужицкого говора типичной является краткая форма (без показателя). Такая ситуация подтверждается коллекцией текстов, представленной в [Маркус, Рожанский, 2011a]: среди 29 примеров иллатива, встретившихся в речи кракольских носителей, лишь 3 представлены краткой формой, а среди 68 песоцко-лужицких форм иллатива полная форма наблюдается только в 2 случаях. Как отмечается в [Маркус, Рожанский, 2011б, 89], за десять лет работы авторов у носителей песоцко-лужицкого говора тенденция употреблять полную форму иллатива стала более выраженной. Кроме того было сделано еще одно наблюдение (к сожалению, оно уже не успело попасть в грамматику): носители песоцко-лужицкого говора значительно чаще используют полную форму иллатива при переводе русских предложений, чем в спонтанной речи. То есть у рассматриваемых форм есть некоторая корреляция с регистром речи: краткая форма может считаться более разговорной, чем полная. Этот пример является наглядной иллюстрацией подвижности и нетривиального поведения диалектных признаков. Но с нашей точки зрения, это нисколько не противоречит необходимости их выявления и описания.

## 2. Проблема множественности фонологий

В Разделе 2 своей статьи М. З. Муслимов рассматривает фонетику и фонологию. В частности, внимание уделено проблеме водских палатализованных фонем и их зависимости от фонологического статуса конечных редуцированных гласных.

Следует подчеркнуть, что фонология водского языка крайне интересна в теоретическом аспекте, а обсуждаемые проблемы, которые на первый взгляд могут показаться частными, должны анализироваться в более широком контексте устройства фонологических систем.

Фонологические системы можно условно разделить на простые и сложные (естественно, со всем многообразием промежуточных вариантов). Это противопоставление никак не связано ни с количеством фонем, ни с их фонетическими особенностями: под простыми системами я подразумеваю те, где состав фонологических инвентарей легко определим, а под сложными – те, которые демонстрируют высокую степень неоднозначности и неортогональности при построении

фонологического инвентаря. Наиболее типичными причинами появления сложных фонологических систем являются:

а) нетривиальное переплетение сегментного и супraseгментного уровней<sup>1</sup>;

б) нахождение системы в стадии перестройки (то есть перехода от одной признаковой базы к другой);

в) смешение различных фонологических систем, которое возникает при проникновении в язык большого числа заимствований, не подвергшихся фонетической адаптации.

Водская фонологическая система относится к числу сложных, что обусловлено действием второй и третьей из указанных причин.

Во-первых, в водском языке происходит переход количественных оппозиций в качественные. В первых слогах долгота гласных практически потеряла свою роль фонологически значимого признака. Так, в именах с основой на -a/-ä в песоцко-лужицком говоре противопоставление конечных гласных по длительности сменилось оппозицией редуцированного и полного гласного (см. [Рожанский 2013])<sup>2</sup>. В кракольском же говоре исходно краткие конечные гласные вообще исчезли, ср. *einä* 'сено:nom', *einā* 'сено:gen/part' (котельский говор, [Ariste, 1968, 43]) – *einä* 'сено:nom', *einä* 'сено:gen/part/ill' (песоцко-лужицкий говор) – *ein* 'сено:nom', *einä* 'сено:gen/part' (кракольский говор). В именах с основой на другие гласные кракольский говор потерял различие исходно долгих и исходно кратких, а песоцко-лужицкий говор сохранил рудименты исходной системы [Kuznetsova, Fedotov 2013], например, *lеллõ* 'игрушка:nom' – *lелло* 'игрушка:gen/part/ill'.<sup>3</sup>

В результате ряд случаев, в которых ранее палатализация согласных была чисто позиционной (то есть зависимой от качества последу-

---

<sup>1</sup>Ярким примером языка со сложной фонологической системой, возникающей в результате переплетения сегментного и супraseгментного уровней, является эстонский. Неслучайно, например, в современном описании эстонского языка [Viitso, 2003] читатель не найдет общего списка эстонских согласных фонем: вместо него будет отдельно приведена таблица «качества согласных» (consonant qualities) и отдельно описана система количественных противопоставлений (quantities). Другим примером может служить ижорский язык, см. [Кузнецова, 2009].

<sup>2</sup>За исключением слов структуры CVCV, где продленный гласный просто совпал с исходно долгим.

<sup>3</sup>Факт количественной редукции гласных в номинативе песоцко-лужицких имен был доказан лишь недавно [Kuznetsova, Fedotov, 2013] и поэтому не был отражен в грамматике [Маркус, Рожанский, 2011б].

ющего гласного) и, тем самым, нефонологичной, теперь требуют введения фонологической оппозиции «палатализованный согласный – непалатализованный согласный».<sup>4</sup> При этом в песочко-лужицком говоре различные подходы к интерпретации статуса конечных редуцированных (то есть признание их отдельными фонемами или же аллофонами одной фонемы) существенно сказываются на количестве палатализованных консонантов (ср. две возможные интерпретации: *tšülme* ‘холод’, *vihmε* ‘дождь’ vs *tšülm’ə* ‘холод’, *vihmε* ‘ветер’).

Во-вторых, водский язык изобилует русскими заимствованиями. Если ранние заимствования подвергались фонетической адаптации и не входили в конфликт с существующей фонологической системой, то более поздние заимствования уже не адаптировались (ср. более архаичный вариант *föklə* ‘свекла’ с более новым *sv’okl* ‘свекла’). Поскольку русских заимствований в водском языке очень много, невозможно объявить их «исключениями» и строить фонологическую систему, не учитывая их (подробнее этот вопрос рассматривался в [Рожанский, 2010]). Дополнительной трудностью для фонолога становится механизм геминации, который в водском языке действует на уровне морфонологии и морфологии, а не фонетики, приводя к появлению новых геминированных консонантов, ранее отсутствовавших и в водском, и в русском языке (*griba* ‘гриб:nom’ – *gribba* ‘гриб:part’).

В описанной ситуации фонологическая система языка уже не определяется исключительно фонетикой и морфонологией и начинает существенно зависеть от цели исследователя. Так, грамматика [Маркус, Рожанский, 2011б] была нацелена на описание двух водских говоров (кракольского и песочко-лужицкого), что определило выбор интерпретации конечных редуцированных гласных в песочко-лужицком говоре: конечные редуцированные *ε* и *ε* были объединены в одну фонему *ə*, что обеспечило единообразие описания консонантизма двух говоров. При написании грамматики только песочко-лужицкого говора было бы удобнее рассматривать конечные редуцированные как отдельные фонемы, что привело бы к сокращению числа палатализованных согласных.

<sup>4</sup>Ср. с аналогичным процессом в русском языке, когда в результате падения редуцированных палатализация стала фонологически значимым признаком в системе консонантизма, а также с эстонским языком, где апокопа конечного гласного привела к появлению палатализованных согласных фонем.



Таким образом, водский язык демонстрирует яркий пример нестабильной фонологической системы, находящейся в стадии трансформации, и показывает, что фонологический уровень описания не является объективным по своей природе.

### 3. Водский терминатив и проблема развития падежей

В Разделе 4 статьи М. З. Муслимова высказывается предположение о дрейфе терминативного маркера *ssā* в направлении от послелого к падежному показателю (в современном водском языке этот маркер нередко присоединяется к основе/форме генитива, а не только иллатива). С нашей точки зрения, это утверждение неочевидное. Хотя от основы генитива образуется большинство падежных форм единственного числа, генитив также является формой, которой управляет большинство послелогов. Поэтому сочетание терминативного маркера с генитивом может интерпретироваться не только как процесс трансформации послелого в падежный показатель, но и как смена падежного управления от нетипичной к типичной, или, говоря другими словами, просто как выравнивание модели управления (подавляющее большинство водских послелогов управляет генитивом, немногие – партитивом и лишь терминатив и послелог *rāj* ‘по направлению к’ сочетаются с иллативом). Неустойчивость модели управления у терминатива подтверждается и почти исчезнувшим аллативным управлением. В [Ariste, 1968, 35] отмечается, что терминатив (П. Аристе считает его одним из падежей) образовался в результате прибавления послелого *sā* к аллативу или иллативу. В речи современных водских носителей нам лишь один раз встретилось аллативное управление [Маркус, Рожанский, 2011б, 272], в то время как отсутствовавшее ранее управление генитивом стало частым.

Следует подчеркнуть, что динамика водского терминатива заслуживает отдельного тщательного исследования. Не исключено, что его развитие происходит не по привычной линейной модели «послелог → падеж» (см., например, [Kulikov, 2009, 440–445]), а демонстрирует колебания, приближая терминатив то к падежу, то к послелогу. Так, если принять представленную в [Oinas, 1961, 151] гипотезу о том, что начальная гемината в терминативном маркере *ssā* является результатом сандхи, типичных при словосложении, следует признать существовавшую ранее тесную связь терминативного маркера с предшествующим существительным. В современном же водском эта связь

уже не является столь тесной [Маркус, 2007]. Неформально говоря, попытка терминатива стать падежом успехом не увенчалась, и в настоящее время он имеет статус «нетипичного» послелого, то есть послелого, демонстрирующего отдельные черты падежного показателя (наиболее заметной из которых является начальная гемината).

#### 4. Аккузатив в прибалтийско-финских языках

Крайне интересной проблемой, затронутой в статье М. З. Муслимова (Раздел 4), является вопрос об аккузативе. М. З. Муслимов противопоставляет два подхода, условно названные «финским» и «эстонским». При первом подходе аккузатив выделяется не только у личных местоимений, но и у всех имен (при этом у форм единственного числа аккузатив совпадает с генитивом, а у форм множественного числа – с номинативом). При «эстонском» подходе у существительных и прилагательных аккузатив не выделяется.

М. З. Муслимов приходит к выводу, что эстонский подход усложняет функции описания падежей. С этим трудно согласиться. Несомненно, что финский подход представляет функции падежей в привычной индоевропейской традиции: номинатив – падеж субъекта, аккузатив – падеж объекта. Однако одновременно возникает вопрос о том, на основе каких критериев мы вообще выделяем падежи? Можно ли говорить о падеже, который принимает то окончание *-n*, то окончание *-t*, то вообще не имеет никакого окончания (причем распределение этих окончаний зависит не от парадигматического класса имени, как, например, в немецком или русском, а именно от синтаксической позиции)? Очевидно противоречие: тот факт, что финская форма *kirja* в предложении *Osta kirja!* ‘Купи книгу!’ [Karlsson, 1999, 104] является аккузативом, определяется на основе ее синтаксической позиции (ср. с *Tämä kirja on minun* ‘Эта книга моя’ [Karlsson, 1999, 138], где аналогичная форма считается номинативом). Однако в предложениях *Osta olut!* ‘Купи пиво!’ и *Osta olutta!* ‘Купи пива!’, имеющих аналогичную синтаксическую структуру (императив переходного глагола с дополнением), никто не пытается объявить партиципальную форму *olutta* аккузативной (тут уже выбирается не синтаксический, а семантический критерий). Если следовать этой логике, то есть при выделении падежей пытаться игнорировать морфологический критерий и опираться на синтаксическую позицию, то придется, во-первых, признать существование аккузатива во всех языках (в том

числе и тех, у которых отсутствует падежная система) и, во-вторых, полностью отказаться от существования различных синтаксических типов (так, эргативный язык будет описываться как имеющий два варианта номинатива и один аккузатив, который по форме совпадает с одним из этих номинативов).

Таким образом, именно финский подход делает описание функций падежей непрозрачным, поскольку пытается применить индоевропейский шаблон к языкам принципиально другого типа. Усложнения же описания при эстонском подходе не происходит, особенно если вводится следующее правило: при отсутствии в предложении номинативного субъекта объект принимает форму номинатива – падежа актанта с наивысшим синтаксическим статусом.

## 5. Слова типа *pere* ‘семья’ и их место в системе водских парадигматических классов

Существительные типа *pere* ‘семья’ рассматриваются в грамматике [Маркус, Рожанский, 2011б] как двухосновные. То есть в форме партитива *perett* вычленяется согласная основа *peret-* и показатель партитива *-t* (такой вариант показателя присоединяется к основам на согласный и на дифтонг). М. З. Муслимов предлагает альтернативную интерпретацию, состоящую в том, что существительные рассматриваемого класса помещаются в парадигматический класс I, характеризующийся отсутствием согласной основы и форм с вторичной геминатой. В этом случае членение формы партитива осуществляется другим образом: гласная основа *pere-* присоединяет к себе показатель партитива *-tt* (этот вариант приходится вводить в дополнение к существующим алломорфам *-a*, *-ä* и *-t*).

Несомненно, что такая интерпретация допустима с формальной точки зрения. Однако осмысленность ее представляется нам неочевидной.

При перенесении слов типа *pere* ‘семья’ в первый парадигматический класс, общее число парадигматических классов не сокращается. Класс III, к которому в грамматике [Маркус, Рожанский, 2011б] отнесены слова этого типа, сохраняется за счет слов типа *mere* ‘море’ и *tšēli* ‘язык’. Такие слова нельзя перенести в класс I, поскольку формы партитива *mert* и *tšēlt* не допускают членения *me-rt* и *tšē-lt* (пришлось бы вводить новый тип основы и много новых вариантов показателя партитива).

Увеличение числа алломорфов может быть оправдано только сокращением числа парадигматических классов или (в крайнем случае) упрощением правил морфонологических преобразований, необходимых для синтеза словоформы. Как было показано, количество парадигматических классов в рассматриваемом случае не сокращается, и при этом возникает вопрос, каким образом можно описать дистрибуцию показателей партитива. Для системы синтеза, предложенной в [Маркус, Рожанский, 2011б], последний вопрос не является жизненно важным (форма партитива относится к числу базовых, то есть эксплицитно заданных). Но все же приятнее видеть логику в дистрибуции показателей (показатель партитива *-a/-ä* присоединяется к основам на краткий гласный, а основы на долгий гласный, дифтонг или согласный присоединяют *-t*<sup>5</sup>), чем оставлять без ответа вопрос, почему основа *pere* ‘семья’ присоединяет показатель партитива *-tt*, а основа *rätte* ‘платок’ – показатель *-ä*.

В связи с обсуждаемой проблемой распределения слов по парадигматическим классам М. З. Муслимов обращает внимание на двухосновные слова с чередованиями ступеней типа *rage* ‘град’ (генитив ед. числа *rakkè*, партитив ед. числа *rageṭ*) или *pise* ‘укол’ (генитив ед. числа *pissè*, партитив ед. числа *piset*), приведенные в словаре [Tsvetkov, 1995, 260, 231]. Наличие таких слов, по мнению М. З. Муслимова, могло бы стать аргументом к сохранению слов типа *pere* ‘семья’ в парадигматическом классе III. Однако эта точка зрения не совсем понятна. В обсуждаемом парадигматическом классе слова с чередованием ступеней используют в номинативе единственного числа сильноступенную основу, а в генитиве – слабоступенную (ср. *tšäsi* ‘рука:nom’ и *tšäe* ‘рука:gen’). Слова же, указанные М. З. Муслимовым, демонстрируют обратное чередование (сильноступенная основа в генитиве и слабоступенная в номинативе). В обсуждаемой грамматике водского языка имена с обратным чередованием в гласной основе вообще не рассматриваются, поскольку они не встретились в анализируемом материале.

В целом же вопрос о существовании в современном водском еще одного парадигматического класса, в который входили бы слова с обратным чередованием, остается открытым. Слов *rage* ‘град’

<sup>5</sup>Это красивое правило немного «подпортили» слова типа *valka* ‘белый’, которые в современном водском языке сократили дифтонг основы до краткого гласного, но «по привычке» все еще используют показатель партитива *-t*: *valkat* ‘белый:part’.

и **pise** ‘укол’ современные носители водского языка уже не помнили<sup>6</sup>. Однако носители песочко-лужицкого говора помнят слово **lähe** ‘источник, ключ’, относящееся к тому же типу. В этом слове уже век назад наблюдалось варьирование основ (и оно же сохранилось у наших информантов). В словаре [Tsvetkov, 1995, 161] для этого слова приводятся формы **lähtë** (генитив), **lähet̄** (парти- тив), **lähtë** ~ **lähtesè** ~ **lähese** (иллатив), **lähted** ~ **lähed** (номина- тив мн. числа), **lähteje** ~ **läheje** (генитив мн. числа). При этом в при- веденном в словаре примере отмечается варьирование и в генитиве единственного числа: **lahtě** (~ **lähè**) **vesi on tšülm̄** ‘Родниковая вода холодная’. Более того, на той же странице словаря приводится слово **lähte** ‘источник’ с генитивом единственного числа **lähtë** и номина- тивом множественного числа **lähed**. Таким образом, парадигмати- ческая неустойчивость этого слова не вызывает сомнений. Возможно, что удастся обнаружить еще какие-нибудь двухосновные слова с обратным чередованием, которые известны современным носителям языка и не демонстрируют вариативности основ. В этом случае воз- никнет необходимость введения для них нового парадигматического класса. В настоящей же ситуации представляется более логичным признать слово **lähe** аномальным, а класс имен с обратным чере- дованием объявить распавшимся. Что же касается слов типа **pere**, то их место в системе парадигматических классов не должно изме- ниться, по крайней мере, до того, как их парадигмы подвергнутся выравниванию. Хотя в [Tsvetkov, 1995, 221] у партитива единствен- ного числа наряду с **peret̄** отмечается альтернативный вариант **pereä** (очевидный случай развития формы «по аналогии»), за прошедший век выравнивания парадигмы и перехода этого слова в другой пара- дигматический класс не произошло.

### Литература

Агранат Т. Б. К именным категориям водских диалектов // Труды между- народного семинара Диалог’98 по компьютерной лингвистике и ее при- ложениям. Т. 1. Казань, 1998. С. 272–278.

БОР 2013 – <http://bash.im/quote/412688> по состоянию на 27.08.2013.

---

<sup>6</sup>Если первое из этих слов вызывало реакцию «что-то такое было, но я уже не помню», то второе оказалось полностью вытеснено заимствованием из русского языка **уколэ** ‘укол’.

- Кузнецова Н. В. Супraseгментная фонология сойкинского диалекта ижорского языка в типологическом аспекте // Вопросы языкознания. 2009. № 5. С. 18–47.
- Маркус Е. Б. О статусе комитатива и терминатива в водском языке // Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К. Е. Майтинской. Москва, 12–16 ноября 2007 г. Тезисы. М., 2007. С. 155–162.
- Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. Том I. СПб., 2011а.
- Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. Том II. СПб., 2011б.
- Муслимов М. З. Заметки на полях книги Е. Б. Маркус и Ф. И. Рожанского «Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк: монография в 2-х т.» (настоящий сборник).
- Рожанский Ф. И. Два факта водской фонологии и проблема неустойчивости в синхронном описании // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. Сборник статей в честь 70-летия В. А. Виноградова. М., 2010. С. 127–135.
- Ariste P. A grammar of the Votic language. Bloomington; The Hague, 1968.
- Crowley T. Standard English and the Politics of Language. Second Edition. New-York, 2003.
- Deumert A. Language Standardization and Language Change. The dynamics of Cape Dutch. Amsterdam; Philadelphia, 2004.
- Himmelman N. Documentary and descriptive linguistics // Linguistics 36, 1998. P. 161–195.
- Itkonen E. The central role of normativity in language and linguistics // Jordan Zlatev, Timothy P. Racine, Chris Sinha, Esa Itkonen (eds.) The Shared Mind. Perspectives on intersubjectivity. Amsterdam; Philadelphia, 2008.
- Karlsson F. Finnish: an essential grammar. London; New-York, 1999.
- Kulikov L. Evolution of case systems // A. Malchukov, A. Spencer (eds.) The Oxford Handbook of Case. Oxford, 2009. P. 439–457.
- Kuznetsova N., Fedotov M. Is there a pure quantitative contrast of non-initial vowels in contemporary Votic? – Paper presented at the conference “Finnic Languages, Cultures, and Genius Loci. Conference on Finnic minority languages and cultures, University of Tartu, March 7–8, 2013. Dedicated to Tiit-Rein Viitso’s 75th birthday”. Tartu, 2013.
- Locher M. A., Strässler J. (eds.) Standards and Norms in the English Language. Berlin; New York, 2008.
- Markus E., Rozhanskiy F. Folklore Texts as a Source of Linguistic Data: Evidence from Votic Folklore // Finnisch-Ugrische Mitteilungen 36, 2013. P. 75–91.

- Oinas F.J. The development of some postpositional cases in Balto-Finnic languages. Helsinki, 1961.
- Rozhanskiy F. Vowel length as a distinctive feature of Votic case forms // Eva Liina Asu, Pärtel Lippus (eds.) *Nordic Prosody. Proceedings of the XIth Conference, Tartu 2012*. Frankfurt am Main, 2013. P. 313–322.
- Tsvetkov D. *Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto*. Ed. by Johanna Laakso. Helsinki, 1995.
- Turner S. Davidson's normativity // Jeff Malpas (ed.) *Dialogues with Davidson: acting, interpreting, understanding*. Cambridge, MA, 2011. P. 343–370.
- Viitso T.-R. Structure of the Estonian Language // Mati Ereht (ed.) *Estonian Language*. Tallinn, 2003. P. 9–129.